

Когда поёт соловей...

СВЕТЛАНА ДЕМЧЕНКО

Светлана Андреевна Демченко

Когда поёт соловей...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29006736

SelfPub; 2018

Аннотация

Это повесть. Посвящена проблеме творчества, повествует о вдохновении и его роли в сочинительстве. Главная героиня журналистка Евгения Ткачёва, решив создать книгу, постепенно наполняет её судьбами интересных персонажей, оригинально соединяет их истории в свою одну творческую судьбу. Созданные ею разные литературные жанры мирно уживаются в одном содержании, рождая интересную палитру человеческих взаимоотношений и страстей. В книге много света и любви, надежды и мечты. Рассчитана на интересующуюся литературой аудиторию. Иллюстрирована авторскими картинами живописи.

Содержание

1		5
	Читателю	5
2		10
	Выжатый лимон	10
3		27
	Замысел	27
4		30
	Визитка	30
5		35
	На грани вдохновения, или когда поёт соловей...	35
	Конец ознакомительного фрагмента.	45

Когда поёт соловей...

Повесть

«...Книгу бы написать такую – солнечную.

Налить ее радостью до краев и

сказать всему человечеству:

– Пей, жаждущее!"».

А. Неверов

1

Читателю

Очень хочется написать светлую современную книгу, признаться в любви каждому, кто прочитает её, независимо от того, понравится она ему или нет. Светлую, – значит, – душевную, с разноликой гаммой настроений и страстей в человеческих взаимоотношениях. Ведь всё, о чём пойдёт речь, – не авторские фантазии, а правда повседневной жизни её, и тысяч таких же, как она, людей творческого труда.

Хотите – верьте, хотите – нет! Но эти строки наполнены такой позитивной энергией, которая способна согреть всех, чьи глаза соприкасаются сейчас с ними. Превозмогая любопытство, надо в это поверить, «разузорить» привычную повседневность чудом воскрешения всего самого дорогого и лучшего, что было в нашей жизни.

И именно в эту минуту оно может нас посетить, взывая лад молитвенного строя и возбуждая чувство благодарения Богу за всё, что мы имели, имеем и чем будем еще владеть.

Эта предстоящая встреча посылает тепло жизненного потока, вливающегося в нас с каждым звучащим здесь пожеланием. Пожеланием погружения в родное, завертевшееся в танцах будней, спрятанное глубоко в душе, ощущение того, что от выси неба к земле Мы – важное звено! Мы – Божьи дети. Мы – есть! Это от нас устремляются желания. Их сонм. И главные – любить, творить, дарить! На непонятном нам языке они чувствуют прозрачные пространства в беспредельности, где после сумрака земного скитания, побед и поражений, царствует свобода Духа.

От этих слов веет уютом и улыбкой. Мы улыбаемся: себе, людям, миру.

Это улыбка всепоглощающего жизнелюбия и того самого благодарения небесам и Господу, которое живет в нас. Мы не верим в царство морального безветрия. Понимаем: бури неизбежны... Но всем нам всё равно дано безумствовать от любви и эмоционального огня!

К нам приходит радость: за себя, родителей, детей, любимых, друзей, коллег, – всех, кто не теряет нитей единения, дружбы и родства.

Ведь готовых к самоотдаче во имя жизни другого, немало, и, когда в унисон бьются сердца, в душах возводится пьеде-

стал Любви. Это он стережет минуты жизни, ибо они нестерпящих ждут.

Сочиняя эти строки, мы осознаём, что любви в нашей жизни было много. Она всепроникающая, ибо вопреки протяжным стонам нелюбви, всегда пробуждает не взлелеянные ранее сокровенные мечты.

И, если в какую-то минуту нам казалось, что любовь отвернулась, – верить нельзя!

Просто она замешкалась среди мешающей ей свиты бед и невзгод, запуталась в ромашковых лепестках, в своем цветении, словно весенняя черемуха в извивах белых кос.

Но она обязательно выпрямится, встрепенётся и однажды совсем неожиданно озарит душу улыбкой, расскажет о вечных подателях жизни – Небе и Солнце, о трепетных звонах лучей Света, о небесной весне и неземной красоте.

И мы прозреем, поймем, что нашему естеству нужно только одно – покаяние; нужно стряхнуть с души уныние, недовольство и неверие, – эту мутную росу амбиций и эгоизма.

Труд этот нелегкий, но он принесет осознание назначения на земле.

Мы все – творцы! Творцы своей жизни и всего, что с нами происходит и случается.

Вот в эту минуту мы чувствуем, как насыщаются вдохновением наши мысли. Они всегда готовы услужить добрым помыслам и планам, нашей воле.

Чарующее воздействие двух слов, – любить и творить, – на внутренний мир и наши души, – рождает готовность быть щедрым, добрым, участливым ко всему живому, что нас окружает.

Преодолевая воспоминания о трудных, порой роковых обломках человеческих взаимоотношений, о том, как мы содрогались от зла, неблагодарности и черствости, настает пора растопить этот лед и готовить накопленное любовью добро для милосердия.

Его нужно раздавать... Близким, знакомым и незнакомым, одиноким, страждущим, нуждающимся, – всем, кто этого желает и ждет.

Прислушаемся к себе... Внутренний голос многих вдохновенно

заявляет: «Я готов!». Готов радоваться успешным, красивым, процветающим, здоровым людям.

Готов подбодрить и поддержать участием увядающих, больных и немощных, несостоявшихся и догорающих на закате жизни.

Так поклонимся вместе светозарному чуду воскрешения наших душ ото сна. Порадуемся нашему пробуждению в Христовой молитве. И на грани Неба и Земли обязательно придет рассвет огромного человеческого Счастья: просто жить на этом белом свете!

*

«Да, нужно просто жить! Даже тогда, когда эта жизнь зажала тебя в тиски разочарования и бессилия», – мысленно увещевала себя Евгения Ткачёва.

Выжатый лимон

В больницу её доставила Скорая. Потеряла сознание... на работе, сидя за очередной статьёй. Сейчас «оклималась» ма-ленько.

Днём солнышка и в помине не было. Спряталось от люд-ских глаз, забыло «получезарить» на земле. В палате было тихо. Казалось, слышала своё дыхание. Взглянула на окно. За ним пролетал лёгкий снежок. «Надо же, как уставший старичок, семенит через пятое на десятое. Надо подняться». Накинув халат, подошла к окну. Снежок продолжал свой февральский танец. Услышав воображением его музыку, Ев-гения уже сочиняла:

*Снежинки падают вокруг,
Любовь Небес роняют.
Покуролесят, затанцуют вдруг,
Пока судьбы своей не знают.*

С.А. Демченко. Из серии «Зима». Лунная ночь.

Ладонь ловит танцующую в воздухе серебристую снежинку. То – поцелуй, в котором путешественница, изнемогая от прикосновения с теплом, тает, исчезая с этого мира навечно.

Одна, вторая, третья... Кружатся, как мысли, не постижимо возникая и прячась одна за другой. Говорят, что существует сто тридцать пять типов этих изящных балерин воздушного балета. Формы их условных "пачек" зависят от многих обстоятельств: температуры и влажности воздуха, атмосферного давления, даже структуры воды, с которой они образуются.

Если физические свойства капли хотя бы чуть-чуть меняются, форма снежинки тут же становится иной. Как же они образуются? Этот процесс давно изучен.

Под воздействием низких температур в капле воды происходит так называемое явление "ликвации". То есть образовавшиеся кристаллики льда начинают выталкивать различные примеси (хотя бы ту же пыль) наружу. В результате этого и возникают симметрические кристаллы.

Они обрастают водным паром, переходящим в твердую фазу, создавая, собственно, ту или иную форму снежинки. Найти две одинаковые среди них, абсолютно совпадающие, практически невозможно.

Подумалось: все, как у людей: неповторимость каждого становится непреходящим уделом человека. Мы – разные. И чем больше "выталкивания" из своего мира ненужных при-

месяц-пороков, тем совершеннее и светлее Личность, грани которой оттачиваются в вихре жизненных хитросплетений.

Снежинки реагируют на изменение внешних условий изменением формы: от классической – шестигранной до... совершенно непредсказуемой, – двенадцати-, восьми-, и трехгранной.

То же самое происходит и с человеком.

Один – талантлив, гениален, второй – упорный, трудолюбивый, третий – преуспевающий... Или... – неуклюж, не приспособлен, ленив. У одного Душа заполнена любовью, добротой, другой же – желчный, злой, на всех обижен. Каждому – свое, свои углы и грани.

Ученые, изучающие мир снежинок, сегодня недоумевают: почему увеличивается количество трехгранников, а не снежинок, например, с двенадцатью лучами?

Даже в природе начинает преобладать посредственность, как и в обществе? Или же, наоборот? – Посредственность людей вызывает себе подобные процессы в природе?

Как знать, но этот вопрос сегодня уже задают снежинки, эти выкидыши нежной зимней стихии Неба.

Не пора ли человеку задуматься о том, что его жизнь – это такое же мелькание, вихрь в небесном вечном океане, как и танец снежинок над головой?

А снежинки роняют любовь,

Несут свои чувства всем людям.

Приходят зимой для того, чтобы вновь

В ладони растаять. — Мы их не забудем.

*

«Да, каждая из вас,— мысленно обращалась женщина к снежинкам,— сейчас ликует: простора и света много, но жизнь Ваша, как и наша, быстротечна, увы!» И вот парадокс: от тепла можно тоже исчезнуть.

А у людей не так? Почему же: и человеческое тепло бывает разным,— искренним и лицемерным, замешанным на обмане. Всё в мире содержит в себе свою противоположность. Осознавая это, понимаешь, какого преклонения и пietetа заслуживает гармония, баланс, мера,— черта, за которую нельзя переходить.

*

Какие же короткие эти декабрьские дни. Время сплывает настолько быстро, что не успеваешь оглянуться: кажется, недавно было утро, а уже и дня нет, вечереет. Дни-то, подобно бусинкам на разорванной нити, бросаются врассыпную, убегают враскат по закоулкам и щелям будней.

Ещё и погода такая,— не радует: серость и сырость, словно танцующая пара, повсеместно правят бал.

В ясную погоду со второго этажа больницы можно чётко различить и строения, и деревья, и спешащих по своим делам людей. А сейчас её глаза отчаянно пытались отделить один силуэт от другого, робко осваиваясь с наступающими сумерками.

Евгения почувствовала холод, съёжилась. Отошла от окна, чтобы набросить тёплую кофту. В дверь постучали. Вздрогнув от неожиданности, произнесла:

– Да, да, входите.

В палату вошёл он, её шеф, Павел Сергеевич Ордынский. Посетитель, которого она ждала меньше всего. Мысль, прежде чем быть озвученной, беспорядочно спотыкалась, беспокойно ворочалась со слова на слово. Выручил гость.

– Женечка, я на минутку, только сегодня узнал, что ты в больнице. Что с тобой? Не шути так. Работы ведь много...

– Я устала, Павел Сергеевич, – и запнулась, увидев принесённые ей соки.

Соки. Кто их не пил! Свежие и консервированные. С мякотью и без нее. Подслащенные и натуральные. С консервантами и без таковых. Соки, как мы знаем, жизнеутверждают все живое. А тут...

– Ну, зачем мне теперь эти "сандоры", "живчики"? – с внутренним раздражением принимала их женщина. – Мои-то собственные соки уже выпиты до дна?!

– Ты поправишься, – утешал ее сидящий рядом Павел Сергеевич. – Ты же знаешь, как нужна нам.

Да, она понимала, что необходима. Иначе, кто, кроме нее, будет писать доклады и выступления для него? Конечно, она,

его референт, или, как сейчас принято говорить, пресс-секретарь. Сотрудники уже посмеивались. На каждом форуме, где с трибуны звучал уверенный голос ее шефа, по залу ходило колкое: "слова Ткачевой, музыка Ордынского".

Но в том-то и дело: Ордынскому от этого ни холодно, ни жарко. Когда его хвалили за произнесенную речь, он все это напыщенно и самодовольно принимал на свой счет. А Ткачева в это время, сжимая виски от головной боли, сидела где-то в сторонке и думала:

«Когда же, наконец, это все закончится, и шеф разрешит уйти домой?»

Он властвовал на своем служебном троне, успешно делал карьеру; докладов, отчетов, речей все прибавлялось. И она продолжала писать, – на работе, дома, ночами и днями, чтобы успеть положить материал на стол начальнику к обозначенному сроку.

И дописалась до истощения нервной системы. Теперь вот сидит Ордынский у постели и отпаивает ее соками.

– К тебе вернутся силы, – утешал.

– Силы, может, и вернутся, – вдруг решила журналистка, – а вот соки отныне будете пить сами, свои.

– То есть?

– Будете писать себе сами. Десять лет такого труда, всегда спешного и неупорядоченного, – с меня достаточно.

– Еще чего надумала. Тогда увольняйся, – не медля, под-
нялся с места.

На том и распрощались.

Всхлипывая, Евгения выключила свет и прилегла. Может, не стоило так резко сообщать о своём решении? И дальше жить молча со стиснутыми зубами. Можно, конечно. Но не так уж и далеко время, что и стиснуть-то будет нечего.

Ну, что же теперь? Пусть как будет. А будет, как она всегда считала, как должно быть.

Но на душе было беспокойно.

Встала. Но свет не включила. В который раз подошла к окну

Небо было беззвёздным, каким-то притаившимся, ушедшим в засаду. И хотя его задёрнула занавеска лёгкого снегопада, оно где-то в выси было живым и видящим. По крайней мере, так считала Евгения.

Для неё лицо неба всегда было понятнее лица земли. Вот оно у неё какое, – её небо.

Небо!..

Ты величественно простираешься в необозримом и непо-

стижимом пространстве, заставляешь с надеждой и удивлением вглядываться в безмерную высь, настойчиво зовешь в теплые странствия мечтаний и упований, которые изначально возвышали наше естество выше природной самости.

Ты предусмотрительно накрываешь нас невидимым пространственно-временным покрывалом, властно фиксируя свою сущность, приглашая к серьезным раздумьям о таинственном, доселе неизведанном небытии.

Ты пестрое, причудливо разноликое: от морского глубинного мрака до росистой дрожащей лазури.

Щедро посылаешь на Землю свою священную благодать. Она – в сплетенных косах красочного соцветия радуги, всепроникающих золотистых лучах Солнца, в строгом холодном свечении Луны, в светящем мерцании чарующих звезд.

Этот специально и тщательно рожденный Космосом, неестественно бурный поток жизнеутверждения мерцает и разливается ежеминутно, подпитывая и выверяя чудоизменения всего сущего.

Венцом твоей неповторимости выступает сказочная звездность, когда ночами соловьино выщелкиваешь свою красоту и становишься светлячковым алтарем для исповеди

звездных колдуний, больших и малых, чудом познанных и доселе совсем неизвестных.

Их сонм, неопишемое множество. Но каждая нежно приласкана и радушно успокоена твоей щедрой опекой.

Небесное бытие переполнено своих страстей и чувств.

Кажется, что молодой Месяц только то и делает, что игриво заискивает, похотливо заключает в объятия раскрытого "серпанка" твоих ночных красавиц, как бы выбирает свою единственную, способную утолить жажду наполнения и превратить его в тот символ любви, под покровом которого можно сбросить с себя цепи искусственно придуманных на Земле условностей.

Звезды, с любовью купающиеся в лунном физическом океане, также объясняются в своих трепетных чувствах выкидышу ночи, небесному Мефистофелю.

С Земли они кажутся то ли крестом, то ли неровно окантованным кругом, или еще какой-то совсем причудливой фигурой.

Иногда, надолго цепляя глазом какую-то веселую небесную невесту, замечаешь, что она движется, удваивается,

словно размножается в пространственно-временной паутине.

И тогда нас пьянит и всецело захватывает ощущение причастности к целебному таинству животворящей небесной Праматери.

Небо!

Иногда ты, множественно украшенное звездами, даришь нам загадочный ликующий танец звездопада, во время которого отдельные его бунтующие солистки пресыщенно вырываются из взаимозависимого содружества и быстро скатываются небосклоном.

Они спешат известить нас об осуществлении задуманных нами желаний и мечтаний.

Ты иногда сердишься, когда содрогаешься от раскатистых перекатов грома и на преломлении световых волн рождаешь раскрепощенный зигзаг огненной молнии или же откупориваешься метеоритными осколками далеких космических субстанций.

Ты можешь расплакаться ручьями близнецового дождя или с удовольствием засмеяться вихрем пушистых снежи-

нок, не останавливаясь столько, сколько тебе заблагорассудится. А то бываешь меланхолически спокойным и ласковым, когда насытишься равномерно рассеянным светом или сумрачным переливом космической энергии.

Ты удивительно красивое внешне. Но намного богаче по существу: своим естеством, функциональным побуждением.

Смело и безвозмездно предоставляешь надежный приют различным хулиганистым облачным химерам, рожденными нашим представлением и фантазией. Жаль только, что их контуры, скоррегированные восприятием глаз, стеариново тают в замедленном течении твоего молочного тумана.

Ты зримый образ вечной Вселенной! Огниво жизненной энергии и воодушевления!

Существуешь только тебе известной логикой бытия и ни с чем не сравнимого самовыражения.

Тебе молимся, к тебе втайне и явно посылаем свои вожденные мысли.

Во сне без тебя напрочь одиноки.

Когда же взором касаемся твоего вселенства, преисполня-

емся желанной надеждой.

Ты такое родное и вместе с тем такое недоступное.

Манишь, тайно зазываешь, обжигаешь горечью осознания необратимости всего ранее ощущаемого, воспринятого, пережитого и представляемого.

Ты единственная в мире свободолюбивая крестоносная бездна примирения. Она рано или поздно, раз и навсегда примет в свои объятия порой смущенные, как правило, натруженные, иногда совсем изнасилованные земной жизнью, человеческие души.

Низкий поклон тебе, Небо, за то, что ты было, есть и будешь во веки веков!

*

Вспомнила это своё эссе о небе, понимая, что его лицо чище лица земли.

Люди не видят землю первозданной, собственноручно и постоянно её изменяют, а небеса такому влиянию не подвергаются, являясь человеку такими, какими их ежеминутно рождает праматерь-природа. Они выразительнее земли не только пространственно, но и отличительны своей искренностью, чистотой.

«Как жаль, что нет тебя со мной, мама. Ты вознеслась в

небесную обитель и, надеюсь, вкушаешь вечное заслуженное на земле блаженство; в непроглядной дали тебе не до наших земных дел, объятия небес тебе оказались ближе, и ты так рано покинула меня». Слезы медленно катились по Жениному лицу, как роса по цветку.

«Господи, да что ж это я? Совсем расклеилась. А врач сказал, что нервничать нельзя. Только разве это возможно?»

И тем не менее, Евгения мысленно усовестила себя, переводя свой взгляд вниз. Рассеянная темень, несмотря на освещённость, рождала причудливые силуэты городской улицы. Деревья «окудрявились» хлопьями непрерывно идущего снега, и дорога белелась неяркими мерцающими пятнами.

Да, темнота в городе иная, чем, скажем, в поле или на селе. Кажется, что темнота – это довольно просто: солнце заходит, и небо темнеет. Но с ней всё гораздо сложнее. На самом деле существует даже особая шкала, разработанная специально для того, чтобы измерять разные степени темноты. Шкала Бортле для оценки степени темноты неба была создана в 2001-м году, и измеряет темноту неба в пределах от 1 до 9. В деревне она характеризуется третьим показателем, на границе пригорода и села – четвёртым, в пригороде – пятым и шестым, на границе города и пригородных районов – седьмым. И только восьмой и девятый показатель характеризует степень темноты неба в городе.

По-настоящему тёмные небеса, вроде тех, что вдохновляли поэтов Древней Греции – Гомера, Ксенофана или Фла-

вия, Сапфо и Коринны, – тех, что нависали над библейскими городами, – исчезают. Чем больше строится домов, городов и пригородов, тем выше уровень светового загрязнения, и тем светлее становится небо.

Международная Ассоциация Тёмного Неба пытается сохранить темноту первого типа, способствуя распространению светильников, фонарей, излучающих рассеянный свет и сводящих световое загрязнение к минимуму.

Вот и сейчас темнота не справлялась с освещением улиц, с мигающими лампами, неоновым светом витрин, с неясным рокотом неспящего города, негромким шелестом мягких колёс по шоссе.

Она не мешала белому снегу таинственно лучиться какой-то светлой прорезью в больничном саду, выплывающей из самого мрака. Должно быть, это был счастливый вздох светила, луч солнца, прокраившийся, как змеёныш, сквозь сгрудившиеся облака. Словно небо знало, что жажда солнца в людях никогда не убывает. Эта мерцающая полоска то вспыхивала, пронизывая внезапным проблеском мрак, то так же мгновенно умирала, поглощённая им.

*

Выйдя через месяц из больницы, Ткачева пришла за расчетом. У дверей кабинета Ордынского встретила новую сотрудницу. Казалось, тень изысканной чеховской дамы её удочерила: стройна, молода, бархатный взгляд, словом, блеск молодости. «Однако, губа у Павла не дура», – мелькнуло в

голове.

– Приятно познакомиться, – сказала новенькая. – Шеф много чего хорошего о вас говорил.

Странное дело: пара фраз, а первого впечатления, как и не бывало. Оно ускользнуло, впустив в женино восприятие брюсовский женский портрет:

*Что я могу припомнить? Ясность глаз
И детский облик, ласково-понурий,*

Когда сидит она, в вечерний час,

За ворохом шуриющей корректуры...

– Спасибо. Вы только не позволяйте ему превратить вас в выжатый лимон. Он потом вас выбросит с работы за ненадобностью.

«Странно, что она такое говорит?» – подумала новая сотрудница, а вслух спросила:

– Причем здесь выжатый лимон?

– При том.

– Хм, я же не фрукт, тем более, не лимон...

– Вы загляните в толковые словари. Это, когда человек лишается духа, как говорится, душа в теле – еле-еле; когда жизненные силы из тебя выжимают до края. Без этого Ордынский жить не сможет. С ним – работа на износ. Каждый

день как двойник другого,— без продыха.

Замысел

Сбросив с себя пресс-секретарскую мантию, Евгения вернулась в свою прежнюю редакцию и уже через год опять её возглавила. Статус в журналистике ей достался дорогой ценой, и с этой работой было нелегко надолго расстаться.

Физическая слабость иногда ещё ощущалась. Вначале ей казалось, что она не больная, но... и не здоровая, что это депрессия, или нет – не депрессия. Постепенно с уменьшением эмоциональной нервной нагрузки, прошла апатия, хотелось жить, быть с людьми и писать о них.

Как-то в кабинете Главного редактора газеты раздался звонок:

– Алло, Ткачева, здравствуй! Узнаешь? Нужна помощь.

– Какая?

– Да что-то мой референт напутала, а я не посмотрел и выложил все это на республиканском совещании. Теперь министр требует объяснительную. Помоги написать, а? По-тка-

чѐвски, как ты умеешь.

– А ты не изменился. Больницу помнишь? И разговор о соках тоже? Так что утоляй свою жажду где-нибудь в другом месте.

А примерно через месяц газеты сообщили об освобождении Ордынского с занимаемой должности.

Читая об этом, робкая поступь улыбки шевельнула губы: «И на кого и на что я потратила десять лет?! Бог ты мой!.. Может, написать об этом?» Она не раз поневоле соблазнялась мыслью подвести итог своей творческой жизни. Её статей, очерков не счесть; это и публицистика, и поэзия, и проза; вместе с ними она пережила несусветную толкотню света и мрака, зла и добра, признания и забвения. Её мысли всегда были свежими, своими, не взятыми напрокат. Возникли они из жизни, были конкретны и реалистичны.

Реакция на её материалы была неоднозначной: хозяевам был нужен мѐд, но дѐгтя-то в жизни с каждым днём прибавлялось; глаза свои девать некуда, разве что, куда глаза глядят, – не умолчать. Её интересовала истина, а не условности и приличия. Поэтому поддакивания моде, тем более, угождения, не было.

Не будет этой пошлости и на этот раз. Ведь картину жизни никому не известного журналиста, чей труд на протяжении многих лет использовался другими, можно составить не из прописных привычных или громких политических, обще-

ственно значимых дел, а хотя бы из тех осколков переживаний и впечатлений, которые были известны только ей. Со всем даже не поздно создать такое, пусть и мозаичное, плотно.

В годы, условно говоря, сбора урожая, – ей уже за сорок, – её жизненная нива всё ещё не отдыхает, ей есть что сказать своим читателям. «Значит, идея! Вот возьму и напишу. Повесть. Только не надо пережёвывать обыденное, мелочное. Книга должна удивить читателя прозрением, светом. Каким посылом? Любым из этой истории, из других таких же реальных сюжетов, – лишь бы он удивился. Ещё древние учили: удивление – начало рассуждения, мудрости, без него любая сентенция, претендующая на философию, мертва и несостоятельна».

Эти мысли дёргали её за слегка изогнутые брови, казалось, даже играли на уже заметных морщинках лица, словно перебирали на каких-то клавишах. «Явленная тайна» человека – загадка из загадок. К ней она также относилась.

Выйдя из здания редакции, Евгения возвращалась с работы усталая, смотрела на людей и не видела их лиц. Всегда торопливые, озабоченные только собой и своими мыслями, они толкали ее, – кто слева, кто справа, – кто-то неловко извинялся, а другой выказывал свое неудовольствие:

– Скорее бы шли, не видите, сколько народу тут?!

– Да-да, конечно. Извините, – машинально отвечала.

Визитка

– Ткачева, Женька?! Это ты?! Бог мой, сколько лет, сколько зим!

Евгения подняла глаза. Перед ней стоял ее бывший сокурсник Толя Черняев. Но не только сокурсник. Да, это был он, тот, кем она грезила все студенческие годы... Растерялась. Как давно это было!

Время своё взяло: её бывшие отношения с Анатолием, всегда сохраняющие грозную напряжённость, нынче ей казались калейдоскопом с синтезом цветовых контрастов настроения, этакой красочной запевкой неуловимого обмана. Исчезла сказочность взглядов, интонаций, наконец, даже внешнего вида, в небытие ушла жажда невыцветающих красок чувства, того сюжета, который ей казался прочным и устойчивым.

Прошлая жизнь, давившая некогда душу, уже вылезла из скорлупы мнимой любви и согревалась теплом и ответственностью взрослости. Из всей мелодии чувств этого романа нетронутым, как ни странно, остался лейтмотив веры в любовь. Этот аккорд не только сохранился, но и не позволил

вспенить в её душе неверие в возможность чистого чувства. Да уж, как говорил Гёте, "Пусть никто не думает, что может преодолеть первые впечатления своей юности".

Сейчас перед ней стоял уже совсем не тот юноша, причудливая игра линий лица которого когда-то внушала ей какое-то притягательное сладостное таинство. Женя увидела перед собой почти незнакомого сорокалетнего мужчину. Знакомые обозначенные черты лица резко обострились. Хотя... Всё те же глубоко посаженные синие глаза, та же заманчивая улыбка, та же томная прелесть взгляда заставляла верить в глубину его мысли и придавала значительность самым ничтожным его словам. И всё равно выражение лица напоминало, что Анатолию присущи, как и прежде, всё те же изощрённые пороки.

И, если он и не совершил чего-то неблагоприятного, то только из трусости.

Спустя два десятилетия женщина об этом уже знала наверняка.

Слава Богу,— тогда Евгения справилась со своим первым трепетным чувством, зная, что Анатолий обручен с ее лучшей подругой Люсей Галициной.

В браке с Люсей он повел себя более чем трусливо. Когда та забеременела, с ним случилась истерика.

— Нам рано еще обзаводиться детьми,— кричал в ссорах.— Карьера полетит вверх тормашками!

А, узнав, что у них будет двойня, сделал все возможное,

чтобы уйти из семьи.

Мужчина осторожно взял Евгению под локоть, и они отошли в сторонку от непрерывающегося потока людей, спускающихся по эскалатору в метро.

– Ну, привет. Рад тебя встретить. Говорят, ты замуж вышла?

– Вышла,– как-то растерянно отвечала Евгения своему собеседнику.– Да и ты, я знаю, долго в холостяках после развода не ходил?! А когда первый раз женился, помнишь, как всем нам в группе цитировал какого-то шведа: "Земная похоть – что дым: рассеялась, и нет ее. А верность – что табачная жвачка: жуешь ее, жуешь, и никакой сигары тебе не надо"? А оказалось, что тебе как раз она и нужна была.

– Да, и не говори, думал бобылем поживу, но не тут-то было, заарканили меня.

– Так-таки и заарканили?

– Ну, как тебе сказать? Ты же помнишь: Люська была гордая, несговорчивая, не понимала, что мне расти надо.

– И как, вырос?

– А ты разве не знаешь? Ну, не узнаю тебя. Ты обо мне всегда все знала. Босс – мой тесть, а я у него заместитель. У самого Президента, представляешь?

– Президента чего?

– Концерна, конечно. Я тут в метро случайно оказался, сама понимаешь, не мой это вид транспорта; друга детства

должен был встретить, но, кажется, он не приехал. Зато тебя вот увидел. Давай поднимемся наверх. Наш офис недалеко, тут же, в центре.

– Ты знаешь, устала я. После работы уже ничего не хочется. За день так наговоришься, что только о молчанке и думаешь.

– Ну, да, ты же, я слышал, защитилась, в "универе" преподаешь?

– Да, каждый день по две-три пары было. Но это в прошлом. Потом ушла в журналистику, вузовский диплом оправдывать.

– Сочувствую. Не лёгкий хлеб. Тогда тем более: тебе нужно расслабиться. Освежимся глотком кофе, рюмашкой коньячку, лимончиком. Пошли.

– Прости, Толя, мне нужно домой.

– Тогда знаешь что?– засуетился Анатолий.– Вот тебе моя визитка. Видишь, эксклюзивный дизайн, тиснение фольгой... Нравится? Будешь всем показывать и хвастать, что знакома со мной.

Евгения чуть не поперхнулась от этих слов. Почувствовав какую-то душевную надорванность, лишившую её равновесия, съязвила:

– А, может, стыдиться? – Нет, спасибо, вряд ли мне придется с тобой контактировать.

Анатолий явно не ожидал такого возражения. Слегка опешил.

– Мало ли что в жизни может понадобиться... Возьми...

– Счастливо оставаться,– Женя порывисто побежала к электропоезду.

А уже через минуту он уносил ее от мужчины, растерянно протягивающего куда-то в пространство свою визитку.

На грани вдохновения, или когда поёт соловей...

Выйдя из метро, Евгения вдруг почувствовала не столько досаду от встречи с Анатолием Черняевым, холод, сколько... желание поскорее сесть за клавиатуру. Пишущие люди знают, что это такое. Когда в тебе рождается замысел и видятся контуры будущего сочинения. Мозг наполняется до краёв, и ты во что бы то ни стало, должен «розродиться». Мысленно это желание обступило её своими рамками, протянулось под подошвами грязно-солёного переулка по пути к дому, и она уже понимала, что попала в него, как в мышеловку.

«Нет, по заказу книга не получится. Её прожить надо, выносить! А разве я её не прожила? Этого мало? А если этот труд пойдёт насмарку? Огорчить человека легко – сказать, что книга никуда не годится и того легче; но зачем её тогда писать? ..».

Сомнения, сомнения...

Но ей уже не уйти из этой темы: она жила с ней и внутри неё. Замысел пляшет, как говорится, далеко не от печки, а

от тех людей, о которых Женя писала и жила их жизнью. Да, ей нужно соединить эти разные жизни в единую жизнь журналистки, практически профессионально продающую свою цельность, свою любовь к людям.

Идея написать книгу уже гнездится в мозгу, клубится вокруг идущей вдоль зданий женщины, ничего не замечающей вокруг. Глаза в одночасье потеряли зацепистость. Её истосковавшийся по творчеству мозг уже наметил и сконцентрировал будущие образы, всячески оберегая мысли, которые готовы не на шутку «расшагаться», протиснуться сквозь воображение и диктаторски потоптаться на клавиатуре. О... А тогда только начни ворошить эту кучу, потяни за нить, и, если она не превратится в спутанный клубок, какая пляска сюжетов раскроется, позавидовать можно.

«Во мне, безусловно, есть какая-то пассивность. Что меня останавливает? Да, ничего! Я уже впустила в себя все истории, о которых хочу рассказать». И эти выводы яви её творческого озарения уже не хотели спорить с логикой. У неё не было честолюбия, неотлучного от характера многих сочинителей. Но и нюней она не была, зная себе цену: честный прямой человек, не без гордости в душе, умеющий радоваться успехам других.

Там, где дворники не поленились почистить тротуар, она

шла, отступивая пунктир шагов, представляя его тянущейся сплошной линией вплоть до входа в дом.

И всё же внутренний голос не успокаивался: «Не спеши, достань из своей памяти те истории, которые были полны ощущения поэтической сущности жизни даже в тех ее проявлениях, где, казалось, не было места поэзии; дождись «своего соловья», его пения. Читатель должен почувствовать, что автор – художник, а не жонглёр словами».

Она это знала. И в её творческий сад должен прилететь соловей её души!

*

Как там у Басё?

Ива склонилась и спит.

И кажется мне, соловей на ветке -

Это ее душа.

Может, этот зуд написать светлую книгу и свидетельствует о том, что её соловей уже на пути к ней? К ней ли?

Ведь известно, что этот певчий кудесник в природе никогда не сядет на отжившее дерево или на сухой куст. Ему нужен чарующий шепот листвы, ее благоухание и уют.

И он ни за что не станет петь на глазах у всех, выставляя себя на всеобщее обозрение. В этом скрыта его природная истинная скромность.

« А что уготовили ему мы, люди, в наших духовных садах? – роились мысли в голове Евгении.– Сколько мертвых

ветвей мы уже удалили? И избавились ли от них вообще?!»

Конечно, кроме соловья-вдохновителя, есть и другие птицы. Например, ворона, – где угодно приземлится.

И хотя они могут встретиться в одном лесу или саду, даже на одних и тех же деревьях, все равно петь будут по-разному.

И дарить будут слушателям совсем несхожие мотивы.

Да и можно ли воронье карканье не то, что сравнить с соловьиным пением, а даже в приближении рассматривать в одном ряду с ним?!

О трелях соловья в поэзии издавна мечтали поэты-лирики. Недаром же покровителем имени Муза является Соловей.

На ум пришло поэтическое обращение Хорхе Луиса Борхеса «К соловью»:

*В какой тиши староанглийских роц
Или неисчерпаемого Рейна,
Какою ночью из моих ночей
Коснулся невозделанного слуха
Твойотягченный мифами напев,
О соловей Вергилия и персов?
Тебя до этого не слышал я,
Но наших жизней не разнять вовеки.
Ты означал скитающийся дух
В старинной книге символов. Марино
Назвал тебя сиреною лесов.
Ты пел из тьмы встревоженной Джульетте,*

*Среди латинских путаных вокабул
И в сосняке другого соловья,
Полу-германца-полу-иудея,
С его печалью, пылом и смешком.
Тебя услышал Ките за всех живущих.
И нет ни одного среди имен,
Подаренных тебе, что не хотело б
Стать вровень с этою бессмертной трелью,
Певец ночей. Тебя магометанин
Вообразил кипящим от восторга,
Вздымая грудь, пронзенную ишпом
Тобой воспетой розы, обгаренной
Твоей предсмертной кровью. Век за веком
Ты длишь пустынным вечером свое
Занятие, певец песка и моря,
В самозабвенье, памяти и сказке
Горя в огне и с песней уходя.*

Не одно поколение писателей, музыкантов вдохновлял этот образ. Федора Стравинского, например. Именно пение этой маленькой птички подтолкнуло его к написанию оперы "Соловей" на основе одноименной сказки датского писателя Ганса Христиана Андерсена. А главный герой ирландского драматурга Оскара Уайльда в новелле "Соловей и Роза" на алтарь любви приносит в жертву свое пение и свою кровь.

Но не каждого, далеко не каждого, посещала и посещает

эта необыкновенная Муза.

Почему?

*

Созерцание должно родить вдохновение. Грань вдохновения... Где и в чем она?

Евгения вдруг вспомнила, что уже отвечала на этот вопрос в небольшом эссе.

Придя домой, едва раздевшись, включила компьютер и зашла в свой «творческий портфель».

-Ага, вот оно –

«

Грань вдохновения».

Начала читать: «Это чувственный вихрь загадочной непостижимости?

Может, тогда возникает, когда мысли о земном и малом отступают?

Или, когда кажется, что дар неведомых тебе высот, как брат?

И именно на этой грани ты можешь им жадно насладиться?

Но как возможно это? С Богом? В порывах Духа неземного?

Его взрастить в себе вначале надо! Что ж, породниться с ним, – удел не многих.

Как взлететь словом туда, где млечной дорогой рассечена Вечность?

Туда, где свет планет неведомо струится, и он свивается в Светило?

Там в выси распростерто зеркало чарующих Небес. Мы это знаем.

Оно зовет лукаво в безумстве яви жизни. Всегда одетое в лазурный плащ,

горящий под лучами Света. И смотрит, отражая наши лики, с пристрастьем Божьим.

И светлым днем, и в непрестанном ожиданье звездного полога, – повенчано с Землей.

Шлет на нее свои щедроты и льет по воле Божьей для нас живую сладость Бытия.

Да! Её глотая, странным стоном, несказанными восторгом и тоской, и отзывается Душа Поэта. Она зажигается, го-

рит, и расторгнутая сила её костра вдруг рождает Вдохновенье.

Сначала наступает грань его. Не осязаемая, не пойманная, обозначенная лишь

образом и его отраженьем. Успевай только,— лови!

Когда на ней стоишь, на этой грани, тогда-то и видишь в темных неприветливых абрисах нежно-жемчужные дали, и зеркало – в банальной луже после дождя».

*

Это правда. Не все могут стать на эту грань, понежиться в её образном свечении. Видимо, потому, что многие свой духовный сад, не содержат в чистоте и добре. В нем много "мертвячины", пустой "отсебятины". Он у них, у тех, кто паразитирует на чужом таланте и труде, по обыкновению, неопрятный и злой, желчный и недоброжелательный. А так хочется, чтобы Вдохновение – этот вечный Соловей – спутник Творца, всегда находился в нашем саду Добра и Света, чтобы любая веточка, которую он облюбывал, была бы упругой и живой, чтобы она любовно хранила его под звуки его же чарующих мелодий.

*

День уже клонился к вечеру; постепенно умолкал городской шум, сливаясь с последним, протяжным гулом колоко-

ла местного храма, чьи поднятые в небо головки светились неоновыми крестами; темнота вкрадчиво разливалась в бесконечном пространстве.

Евгения смотрела в монитор и уже, предаваясь мыслям о будущей книге и вдохновении, ничего не видела перед собой. В этих случаях работа ума не знает безработицы. Она знала, что сегодня ночью ей придётся поклониться едва ли не каждому прожитому дню и хорошенько пошарить мыслями в прошлом. Ведь в такие минуты ей не до сна. Поток давнишних, полу-утраченных воспоминаний проник ей в душу, и близкие сердцу образы представляли перед ней, как живые. Они и не давали покоя, связывая ощущения с их будущей художественной окраской. «Как достичь магии слова, чтобы достичь звучания текста, чтобы он не расплывался в мельтешении мелочей, в беспредметности?»

После нехитрого ужина Евгения приступила к работе. Мысли, прежде чем уснуть на высвеченном экране компьютера, долго и беспокойно толкались, борясь за первенство. Толпа, да и только.

Она знала, что её жизнь подобна экспедиции в разные сферы бытия, маршрут которой словно, был соткан для неё, – вначале ученицы – золотой медалистки, выпускницы вуза с красным дипломом, затем кандидата наук, педагога, журналиста, живописца, – из неписанных творческих профессиональных законов, неслышных тонких мелодий человеколюбия, из множества нравственных интонаций.

Её силой и одновременно слабостью была доброта, – не показушная, но такая, которой не хватало времени и рук, чтобы обнимать всех слабых, успокаивать разочаровавшихся, дарить всем нуждающимся. Её добрая забота о людях была беспорядочной, безудержной, требующей много энергии и воли, порой совсем непонятной для окружающих.

–Ну, что тебе,– больше всех надо?– порой слышала в свой адрес.

Но не могла ничего поделать с собой. Отзывалась на людскую боль. Любая боль ведь вездесуща: и в логове зверя она тоже боль. Унять её – задача человечья. Евгения искренне сочувствовала тем, кто искал помощи. Видать с годами, её чуткое отношение к людям вскипятило в сердце справедливость, в нём постоянно рделась искра самопожертвования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.